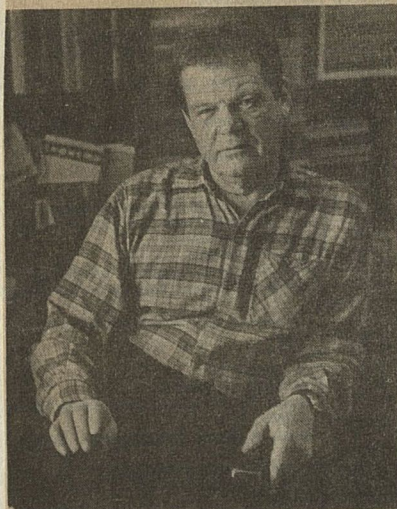

Волшебная флейта поэта

К 90-летию Леонида Мартынова

прохожий?" говорит себе:
**"Да! Имел я такую
волшебную флейту.
За миллионы рублей ты
я не продал бы флейту.
Разучил же на ней лишь
одну я из песен:
"В Лукоморье далеком
чертог есть чудесен!"**

Это сказочное Лукоморье стало чем-то вроде визитной карточки Мартынова, вызывавшей, надо думать, его немалую досаду. Ведь сказал же он, правда, по другому поводу:
**"И прошлогоднейшие
ярлыки вы к нашей
не припилисте одежде!"**

Он себя сделал сам путем систематического и всепоглощающего чтения книг самых разных авторов, на самые разные темы, порой таких экзотических и таких буканистических, что ставили в тупик знатоков и ценителей. И кому могло прийт-

ти в голову, что один из самых интеллектуальных советских поэтов, чьи строки цитируют в научных исследованиях и на лекциях в университетах, в телепередачах об открытиях и загадках природы, на самом-то деле окончил всего-то пять классов гимназии!

Сибирский самородок-самоцвет, он знал себе цену. Когда вышла в 1955 году его знаменитая книжечка "Стихи", вышла после вынужденного десятилетнего молчания, она, провозвестница "оттепели", наделала немало шума, особенно в поэтической среде. В "Известиях" выступил Владимир Луговской. Он написал, что его особенно подкупило сказочное начало в стихах Мартынова. Леонид Николаевич прореагировал на это так: "Он что же, хочет, чтобы я сказочки писал?!" Ему было чертовски ин-

тересно все: шла ли речь о разбеганье галактик или о происхождении "черных дыр" во Вселенной, о поисках Атлантиды или библиотеки Ивана Грозного? Не зря он написал:
**Что делается в механике,
И в химии, и в биологии,—
Об этом знают лишь**

**избранники,
Но, в общем, пользуются
многие...**

Даже те, кто благоволил к нему, не представляли истинного значения поэзии Мартынова. Илья Эренбург, в трудную для поэта пору поддерживавший в нем веру в себя, писал в своих мемуарах "Люди, годы, жизнь", что Мартынов "бывал незрячим", "косноязычным", "порой не замечал людей". И это было сказано об авторе книг "Лукоморье", "Повесть о Тобольском воеводстве", "Поэмы", "Голос природы", "Люд-

ские имена", "Первородство", "Воздушные фрегаты", "Гиперболы", "Узел бурь"... Несправедливо!

Вспоминаю один из последних наших разговоров в восьмидесятом, последнем году жизни Леонида Мартынова, у него дома на Ломоносовском проспекте. Еще недавно изумлявший своими дальними морскими заплывами и неутомимыми прогулками по подмосковным полям и лесам в поисках экзотических камней, а теперь, увы, истощенный коварным недугом и дурными предчувствиями, что его забудут на другой день после ухода в мир иной, он надрывал нам душу жалобами: "Мне не нужны награды, — у меня и без того семь орденов. Мне не нужны премии, — у меня и так две Госпремии. Мне нужно, чтобы выходили мои книги, застрявшие в издатель-

ствах! Заслужил я, черт возьми, это за семьдесят пять лет, из которых шестьдесят отдано литературе?!"

Мы молча слушали и думали: "Издателям надо бы в очередь становиться за рукописями Леонида Мартынова, виртуоза поэзии, достойно исполнившего свою партию на волшебной флейте, а не омрачать закат старого поэта!" Да кто ж в этой стране услышит голос флейты?..

Пятнадцать лет как поэта нет с нами, и каждый год неизменно вдова Л.Н. Мартынова Галина Алексеевна публикует несколько подборок стихов из богатейшего наследия Леонида Николаевича. Вот и сегодня читатели "Вечернего клуба" получат возможность познакомиться с неопубликованными произведениями большого мастера поэзии.

Ким ЛЯСКО.

Из неопубликованного

Иду
По острию
Ножа.
Я это делаю дружа.

Тому,
С которым я дружил,
Я дружбой голову вскружил,
Зажег над нею ореол
И друг, которого возвел
Я на высокий пьедестал,
Во мне нуждаться перестал.
Я, это высказав, беду
Хочу исправить на ходу.
Но только я еще, дружа,
Иду по острию ножа,
Лишь я иду, а друг-то встал,
Как сказано, на пьедестал
И дружба кончилась,
И жду,

Что превратится
Во вражду.

Светопроницаемой все больше
Желтая становится листва,
Это осень. В этом ты права.
И листва редеет. Но позвошь же!
Это не зависит ни от лета,
Ни от осени, ни от зимы,
Потому что ясные умы
Светопроницаемы для света
И непроницаемы для тьмы.
Но зачем ты так легко одета?!

ДЕЛЬЦЫ

Знаешь,
Мной желанье овладело
Взять и оторвать дельцов от дела,
Потому что по своим делам
Ходят прямо по чужим телам...
Это уж доходит до предела!

Заговорили о Шатобриане
И, следовательно, снова о Христе,
Но надо думать: духовенство и миряне
Едва ль окажутся и вновь на высоте.

Как видно, и дворяне, и миряне,
И женщины в их вечной красоте
В обогащение, как и в обнищанье,
При всем старанье вовсе уж не те.

Купчиха, став в эмиграции баронессой,
Чем была, тем и осталась. А гризетки
Ходят в туниках цвета выцветших
революционных знамен,
А домоседки, занявшись шитьем на дому,
на выкройки употребляют газетки
Революционных времен.
А реставраторы безапелляционно
принимают в ремонт
как дореволюционных, но они уж редки,

Так и революционных
и послереволюционных Мадонн.

ВЬЮНЫ

Я думал:
Это ветерок все
Нашкодил. Им и склонены,
Расправиться не могут, флоксы,
Но их опутали вьюны!

И я презренных вырвал с корнем —
Была расправа коротка.
Так и другие пути сдернем!

Но если столько жестока
Сама ты колешь, как крокус,
Глаза твои омрачены,
Я понимаю, в чем тут фокус —
Тебя опутали вьюны!

Публикация Г. СУХОВОЙ-
МАРТЫНОВОЙ.

Мартынов Леонид

27.5.95